

Задаю себе вопрос: отчего вдруг развитие демократии ударило по нравственности, морали, целомудрию, духовности. Отвечаю: потому что демократия без культуры — это явление суровое. Потому что мы это понятие — демократия — на уровне обывательском опешляем. Подменяем демократию всеобщим дележом. Вот говорим: «общий котел», в «общий котел». А ведь это не юридический термин и не правовой, это уголовный термин. При общем котле есть пахан, а у пахана есть свои приближенные. И пахан — это отнюдь не демократическая власть, а банда — отнюдь не демократическое общество.

Вы посмотрите, мы боремся со сталинизмом. Я помню себя ребенком. Сталин был всем, Сталин объяснял все. Как так случилось, что, отвергая его, мы опять пришли к нему? Опять без него ни на шаг, опять его фигура объясняет все, и все объясняют его фигурой.

Значит, дело состоит в том, что мы, борясь с рабством, пока еще рабы. Мы ищем корни на стороне. Но дело все в том, что это, наверное, даже естественно... Вы посмотрите, как получается. Даже в высших сферах принципиальность слиплась со словом «порциание». Если я принципиальный, то я уже кого-то порцирую. Если я борюсь за свое достоинство, я все время должен кого-то унижить. И если я борюсь за свою правоту, кто-то обязательно должен быть не прав. Если я говорю честно, то я кого-то разоблачаю. Мы агрессивны до безумия. Готовы удушить другого, чтобы он стал добрым.

Помните нашего «Айболита-66»? Для меня «Айболит-66» — это фантазия на тему глобального мещанина. Для меня Бармалей был глобальным мещанином, он в финале говорил: «Если я займусь добрыми делами, вы все сдохнете от зависти, потому что у меня все станут счастливыми, а кто не станет, я того в бараний рог согну, в порошок сотру, у меня враз все будут плясать и петь. Только я этого не люблю и не стремлюсь».

Новые идеи в бескультурных головах страшноваты. Сейчас, когда мы вводим хозрасчет и в сферу искусства, торжествует мещанин, побеждает обыватель. Доведите чувство обывателя до чувства национальной гордости, и обыватель станет близок к мечте о свободном рае и сильной руке. Обыватель породил фашизм, и это замечательно показано в фильме Феллини «Амаркорд». Помните? В «Амаркорде» все куда-то идет. Вы начинаете понимать, что-то важное происходит, идет весь город, идет ночью, спускается к морю, входит в него чуть ли не по

Ролан БЫКОВ

1 руб. 20 коп. ДЛЯ ДРАКОНА

кратических идей с неразвитой культурой.

Когда вижу один экстремизм, который сменяет другой, одну предвзятость, сменяемую на другую, я вспоминаю Николая Васильевича Гоголя, когда он получил ужасное письмо Белинского, которое его чрезвычайно оскорбило. И решалось в том споре, кто он, Гоголь, западник или славянофил? А он не был ни славянофилом, ни западником. Он был Гоголь. И он был первый богосикатель. И Николай Васильевич начал писать ответ про весь свой путь. Первая фраза приблизительно так звучала: «Как смеешь ты, не написавший ни строчки», — тогда считалось, что критик это не писатель, — а заканчивая. Гоголь все это зачеркнул, гнев спадал, побеждала культура Гоголя, доброта, понимание, человечность. И он оставил лишь один упрек: надо иметь полный взгляд на вещи. Полный взгляд на вещи — основа сегодняшнего познания, основа культуры.

Сегодня, когда в нашем обществе на культуру остается приблизительно 1,2 процента бюджета, то это и не много, и не мало. Это некультурно. Человек, который из своих сот рублей тратит рубль двадцать на культуру, — бесперспективен.

Вот смотрите, мы так долго не следили за собой, что всему потребовался ремонт: Большому театру — срочный ремонт, Малому театру — срочный ремонт, Московскому Художественному — срочный ремонт. Филармония — ремонт. Эрмитажу — ремонт. Пушкинскому музею — ремонт. Минуточку! Всему нужен ремонт. Так это известные здания! Известные на весь мир! Это источники культуры! А как вы думаете, все остальные театры и дома культуры, прожившие приблизительно столько же, не доведены ли они до такого состояния? Я бы наш план назвал планом социально-

чарований. Никто не очаровывался Съездом. Если кто-то ждет изменений на другой день после Съезда, — это не серьезный человек. Он даже глупый человек. Ну что же, непонятно, что ли: как ни ругай семилетнего мальчика, он завтра тридцатилетним не станет. Он вырастет, будет расти, у него будут разные периоды. Должно ведь созреть все. Но времени все меньше, обострение ситуации все больше...

Мы говорим: боремся за правовое государство. Значит, надо принять и признать, что оно не правовое.

Я не специалист в юриспруденции, но я знаю философию права. А философия права состоит в том, что за юридическим законом всегда стоит этический закон.

Это — мой критерий.

Поиск этического закона — это то, чем художник занимается всю жизнь. За правовым законом всегда стоит этический закон. Всегда должен стоять. Если есть этическая ошибка — закон неточен. В законе червоточина, он недоработан, он не сделан, не отработан.

Я всегда вспоминаю Шварца: победить дракона можно, только став драконом. Но тогда дракон непобедим! Ибо ты уничтожил дракона, но ты стал драконом. Тогда дракон вечен. Дракон нашего репрессивного сознания, дракон тоталитаризма, дракон бесхозяйственности...

И даже более глубокое построение. Если вы возьмете, допустим, миф о Персее, то медузу Горгону убить нельзя, потому что, взглянув на нее, ты каменеешь, значит, нельзя победить войну мечом, то есть войной.

Персею подсказали выход. Он победил врага, глядя на его отражение в своем щите. А что такое отражение в нашей жизни? Сознание. Сознание и осознание. Это и есть искусство, это и есть культура. Вот здесь можно победить Горгону, здесь можно победить, допустим, и национальную неприязнь, и постоянное наше стремление «найти врага» — для этого нужна работа души и сознания. А на рубль двадцать мы прокормим только дракона, вскормим только обывателя, и он потребует искусство заменить дизайном, чтоб было удобно: и обслуживало, и не мешало, и потребует сильной руки, чтобы покой этот охранять...

Юлсс. прав. 89 - 1989
31 дек